

Матушка Ли принялась — и верно, под кроватью курились благовония, да так густо, что воздух стал тяжелым. Это был не тот приятный аромат, что используют в храмах, и не успокаивающие смеси, к которым все привыкли. Запах не выветрился даже за ночь, значит, жгли их в огромном количестве.

Вчера она была слишком взволнована и не обратила внимания.

— Не волнуйтесь, это безвредно, — снова подал голос человек в черных доспехах. — Меня несколько дней не будет в резиденции. Если ее трудно переносить, пусть спит здесь. А если не привыкла — просто не будем зажигать.

— Столько благовоний... Генерал страдает бессонницей?

Кормилица была женщиной наблюдательной и вдруг вспомнила, что вчера этот молодой человек обмолвился, будто не мог уснуть.

— М-м, есть немного.

Су Лисюэ лишь коротко кивнула, не желая продолжать разговор.

— Служба на границе тяжела, разве вы, военные, не засыпаете, едва коснувшись подушки? Откуда взяться бессоннице? Личный лекарь что, бездельничает?

— Он справляется, не беспокойтесь. У парня язык без костей, вечно болтает чепуху, но лечит хорошо, да и человек неплохой, так что не стесняйтесь его гонять... Ой?

Она перебинтовала руку, накинула плащ и собралась уходить, но что-то ее удержало.

Обернувшись, она увидела, что Наньгун Ли вцепилась в край ее плаща.

Хрупкая девчушка потянула ее за собой, шаг за шагом заставляя подойти ближе — точь-в-точь как в детстве, когда они так баловались.

Кормилица смотрела на них и невольно вздохнула.

С тех пор как скончалась императрица, она не видела, чтобы маленькая принцесса к кому-то так привязывалась.

Сама девочка не знала, что во сне всю ночь напролет звала одно имя... так жалобно, что сердце разрывалось.

— Сестрица Лисюэ, сестрица Лисюэ, куда ты ушла? Не бросай меня!

Сердце воина, холодного, как железо, дрогнуло. Она наклонилась и тихо прошептала:

— Ваше Высочество, не бойтесь. Я здесь. Больше никто не посмеет вас обидеть.

— Откуда ты знаешь, что меня кто-то обижает?

Наньгун Ли вздрогнула, ее сердце пропустило удар. Она испуганно разжала пальцы, и в ее сияющих глазах мелькнул страх.

Су Лисюэ терзали сомнения по поводу вчерашних событий. Она не понимала, почему в этих чистых глазах порой проскальзывает такая решимость — девочка даже осмелилась вытащить ее армейский кинжал. Но, глядя на болезненный вид малышки, она так и не решилась ни о чем спросить.

Наконец, она мягко погладила ее по голове:

— Ваше Высочество, возможно, вы этого не понимаете, но в этой жизни я перед вами в долгу.

Что именно произошло за те десять лет, что они провели в разлуке — если однажды она начнет ей доверять, то сама расскажет.

А пока — что бы ни случилось, она примет любой удар.

После нескольких дней ремонтных работ на переправе Инмачан ситуация немного наладилась. Рабочие натянули сети, очистив реку от мусора, а староста Ван Вань временно мобилизовала несколько рыбацких лодок для перевозки людей и грузов.

Су Лисюэ собрала чиновников, отвечающих за этот участок реки, и прямо спросила:

— Какая у вас сейчас главная проблема?

— Деньги, — ответила староста Ван Вань.

Хотя она была женщиной, в округе не было старосты лучше. Известная своим прямолинейным характером, она всегда говорила и делала все без обиняков.

— Нехватка денег? Разве в уезде нет целевых фондов на ликвидацию последствий бедствия? — Су Лисюэ нахмурилась.

— Ох, мой генерал, да вы хоть понимаете, как устроена служба? О каких фондах речь? Пока деньги доходят сверху до нас, их обдирают на каждом уровне. Если мне в руки попадет хоть десятая часть, я буду Бога благодарить!

— Дерзость! Как ты смеешь так разговаривать перед генералом! — Тан Юнь, охранявший Су Лисюэ, положил руку на рукоять меча и прикрикнул на нее.

Ван Вань была женщиной сметливой и тут же поспешила извиниться:

— Прошу прощения, генерал, я сболтнула лишнего, просто накопело...

Су Лисюэ махнула рукой:

— Ничего страшного. О некоторых вещах нужно говорить открыто. Мне нравится ваш нрав.

— Тогда скажу прямо, генерал: дыру в бюджете не залатать, материалы не купить, мост не починить. А раз моста нет, людям приходится делать огромный крюк. Скоро Новый год, все поедут в гости, на ярмарки, по делам... Как только река встанет, кто-нибудь обязательно рискнет перейти по льду, чтобы сэкономить время, провалится — и не миновать беды!

— Эй, староста Ван, не сгущайте краски. Река неглубокая, течение слабое, с чего бы быть жертвам? — подал голос Сунь Фу, помощник наместника Лянчжоу.

Ему вообще не нужно было появляться в этой глуши, но когда наместник узнал о приезде главнокомандующего Армией Динбэй, решил, что нужно проявить внимание, и эта неприятная обязанность легла на плечи Сунь Фу.

— Вам лучше знать или мне? — Ван Вань сверкнула глазами. — Река кажется тихой, но в ней полно подводных течений, спросите у старых лодочников! Стоит одному ступить на лед, и другие потянутся. Как только народ пойдет, кто-нибудь обязательно провалится!

Сунь Фу хмыкнул:

— Провалятся — вытащите!

— Моя работа — только и делать, что людей из воды доставать?!

— Но вы не можете так разговаривать с генералом Су.

— Я с ней разговариваю? Смешно! — Ван Вань бросила на него презрительный взгляд. — Генерал Су, тот мост построили летом, и не прошло и полугода, как он рухнул. Если бы управление не закрывало на это глаза, разве посмели бы те мерзавцы из Управления по строительству дорог так халтурить? Продажные чиновники!

Сунь Фу вскипел:

— Ты на кого это намекаешь?!

— На того, кто принял на свой счет.

— Ах ты, девка, не смей клеветать!

— Довольно, — холодно прервала их Су Лисюэ.

Она взглянула на Ван Вань:

— Староста Ван, Лянчжоу — важный гарнизон, где военное дело превыше всего. Если говорить о власти, то самый главный здесь — я. Если вы называете кого-то продажным чиновником, то в первую очередь это касается меня.

— Прошу прощения, генерал, я не вас виню. Вы не знаете, как здесь тяжело зимой. Старосты каждый год собирают молодых людей, чтобы доставлять уголь и еду в отдаленные деревни. Но как ни старайся, снежные заносы всегда уносят жизни. Смерть приходит в дом и забирает детей, так происходит каждый год, и остается лишь молиться, чтобы беда обошла стороной. Я думала, в этом году построят мост, дорога станет легче, и люди перестанут умирать. Но кто бы мог подумать...

— Сколько человек замерзло в прошлом году?

— Тридцать три. В основном старики и дети.

Су Лисюэ спокойно посмотрела на решительную женщину:

— Я даю вам слово: независимо от того, починят мост или нет, этой зимой не погибнет ни один человек.

— Генерал, красноречиво говорить я и сама умею, — с вызовом бросила Ван Вань.

В воздухе повисло напряжение. Человек в черных доспехах подняла взгляд, глядя на дерзкую женщину сверху вниз:

— Вы сомневаетесь в моих словах?

Все вокруг затаили дыхание. Главнокомандующий Армией Динбэй была известна своей непреклонностью. Когда старый хоу внезапно скончался, армия оказалась на грани бунта. Девятнадцатилетняя девушка в одиночку, с одним копьем, усмирила тридцатитысячное войско — все знали, насколько она беспощадна.

Многие при дворе желали ее смерти, но никто не осмеливался бросить вызов.

Ван Вань тоже ощутила этот холодный блеск стали, но не испугалась. Тот, чья совесть чиста, не боится власти.

— Генерал, вы проделали такой путь только ради того, чтобы услышать, как сказители в Лянчжоу поют вам дифирамбы?

Отважная староста ходила по краю.

Человек в черном опустила глаза, и на ее молодом, худощавом лице промелькнула легкая улыбка:

— У госпожи Ван прекрасное лицо, куда красивее, чем в тех книжонках, что меня расхваливают. Полагаю, если бы не этот острый язык, вы бы уже давно поднялись выше должности старосты?

Все выдохнули, кто-то даже тихо рассмеялся.

Главнокомандующий была сильна в бою, но вот в делах сердечных... Стоило ей закрутить роман с красивой женщиной-лекарем, как она тут же принялась заигрывать со строптивой старостой, а ведь между ними еще и юная принцесса.

Слишком уж ветреная.

— Я до сих пор староста лишь потому, что я женщина, — ответила Ван Вань. — Генерал, верите ли вы? Если бы я родилась мужчиной, я смогла бы совершить не меньше подвигов, чем вы, а может, и больше.

Су Лисюэ внимательно посмотрела на нее:

— Возможно, я ошибаюсь, но почему вы питаете такую глубокую неприязнь ко мне и к Армии Динбэй?

Красавица-староста холодно усмехнулась:

— Генерал, вы не знаете, но Сюй Чжэн, ваш знаменосец, родом из моей деревни. У него была невеста. Десять лет назад, перед битвой у заставы Юймэнь, он решил, что не вернется, и, чтобы не портить жизнь девушке, отправил ей письмо о расторжении помолвки. В итоге по деревне поползли слухи, будто она не соблюдает женских добродетелей и была отвергнута женихом... Она не выдержала позора и той же ночью повесилась.

Су Лисюэ прищурилась. Она знала Сюй Чжэна, но об этой истории не слышала.

Тан Юнь вмешался:

— Госпожа Ван, Сюй хотел как лучше, он не думал, что так выйдет. И до сих пор он не женился...

Ван Вань прервала его:

— Предатель, который прикрывается своей верностью, думая, что так искупит вину. Но даже если он проживет всю жизнь бобылем, мою сестру это не вернет.

Все молчали. Никто не возражал, потому что это была правда. И никто не поддержал, потому что они были мужчинами.

В этом мире для женщин всегда была приготовлена клетка. Невидимая, неосязаемая, но существующая в каждом слове, в каждом указе. Потеряла невинность — смерть, нет сына — развод. Даже будучи императрицей Великой И, если не родишь наследника, жизнь твоя будет короткой.

— Оставлять предсмертные письма перед великой битвой — правило, установленное моим отцом, — наконец произнесла Су Лисюэ. — Староста Ван, если хотите кого-то винить — вините меня.

Вскоре главнокомандующий Армией Динбэй отдала приказ: отправить войска в горы, чтобы доставить провизию и уголь в каждый дом.

Для такой глуши, как Инмачан, это было событие, достойное летописи.

Выражение лица Ван Вань неуловимо изменилось. Ходили слухи, что главнокомандующий жестока и сурова, но человек, стоявший перед ней, был сдержан и великодушен. И под этой внешней мягкостью скрывалась несокрушимая сила.

Два дня спустя, когда Ли Миньгуань пришел на повторный осмотр, Наньгун Ли была уже здорова.

— Ваше Высочество так быстро поправились! Такие горькие лекарства пили, не капризничали, до последней капли — это достойно восхищения! — лекарь улыбался, стараясь приободрить девочку. — Вы такая послушная, наверное, боялись, что генерал будет волноваться?

— Ничуть! Кому какое дело до него! — девочка закатила глаза. — И вообще, он обо мне совсем не волнуется!

Ли Миньгуань пристально посмотрел на нее:

— Конечно, волнуется. Иначе не сидел бы всю ночь у вашей постели, несмотря на собственную болезнь...

— Пф! Я болела два дня, а он посидел всего одну ночь и сбежал, наверняка все это было напоказ!

Когда человек ненавидит другого, он во всем ищет подвох. Ли Миньгуань вздохнул:

— Ваше Высочество, быть вашим мужем — задача не из легких!

Девочка скривила губы:

— Если бы тот вояка был хоть немного похож на моего дядю, Вэньчан-хоу, такой же учтивый и благородный, то было бы совсем нетрудно.

Вэньчан-хоу был младшим братом императора и единственным наследным хоу в Великой И. Он славился своим талантом, и его стихи знали все.

Сегодня из поместья хоу пришло приглашение: принцессу звали полюбоваться луной. Мол, Лянчжоу так далеко от города Сюаньхоу, что после свадьбы она может считать поместье хоу своим родным домом.

Такая забота тронула сердце принцессы, и она, не раздумывая, отправилась в гости.

Вечером, войдя в поместье, она услышала в передней крики молодой женщины:

— Мелкая дрянь! Чего ревешь? Твоя мать год как в могиле, а ты все плачешь?! Если еще раз не назовешь меня матерью, до утра будешь спать в сарае!

Все говорили, что наложница хоу — писаная красавица. Но та была женщиной поверхностной, со злым прищуром и вечно недовольным ртом.

Красавица? Мир полон слепых.

Наньгун Ли сделала шаг вперед, заслонив собой плачущую малышку:

— Матерью?! Сунь Цзинь, жена Вэньчан-хоу покоится в мавзолее! С каких пор наложница стала матерью законной дочери хоу?

Первая жена хоу была благородной женщиной, но так и не родила сына. После того как хоу стал самостоятельным, в дом потекли красавицы. Он не отказывал никому, и в этом году наложница Сунь родила наследника.

Первая жена не выдержала унижений и скончалась от горя, оставив пятилетнюю дочь Наньгун Жун.

В Лянчжоу была поговорка: лучше иметь мать-попрошайку, чем отца-чиновника.

Но у них не осталось даже матери-попрошайки.

Глядя на Наньгун Жун, семнадцатилетняя принцесса почувствовала, как по спине пробежал холодок, и в душе шевельнулось горькое чувство родства по несчастью.

<http://bllate.org/book/20270/2022429>